

УДК: 130.2

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ЭПОХА

А.В. Павлов

Делается попытка разработки концепции эпохи, переживаемой Россией после распада СССР, как возможной перспективы цивилизации всего Запада.

Ключевые слова: цивилизация; нормы; правила; парадигма; поколение; легитимность; делегитимация; этапы самоформирования.

Постановка проблемы

В конце 1991 г. перестал существовать Советский Союз, а вместе с ним распался и так называемый «лагерь социализма». Этот лагерь представлял собою цивилизацию европейского типа, системообразующим центром которого был СССР. После его распада начались процессы, на сегодня плохо изученные. Они, конечно, исследуются отдельными научными дисциплинами, но большой массив конкретно-научных работ ни в малейшей мере не связан философией. Отсюда разногласия методологических принципов и подходов, отсутствие практических ориентиров для общественного развития и т.д.

Вместе с этим, распад целой цивилизации, хотя в истории это явление далеко не уникально, происходит на наших глазах и должен быть проанализирован хотя бы потому, что является правозвестником более крупного и трагического процесса трансформации Запада: его систем ценностей, геополитической реорганизации и странной интеграции с другими цивилизациями.

Очевидно, что разворачивающаяся глобализация не является результатом чьих-то преднамеренных действий, она неизбежна уже в силу роста численности населения на планете, разницы экономических и военных потенциалов, интенсивной миграции и т.п. В исследованиях глобализации, даже в альтерглобалистских, обычно подчеркивают ее интеграционный характер и обращают мало внимания на дезинтеграцию старых цивилизаций, в то время как она так же неизбежна, как и глобализация. Чтобы сложился новый мировой порядок, старый должен исчезнуть, вместе с его субъектами.

Сегодня на планете сосуществуют несколько таких субъектов — цивилизаций, организуемых вокруг себя региональные и мировое культурное пространство: Западная цивилизация, Арабо-Персидский мир и Китай. Можно говорить и о других цивилизациях, существующих в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке или Африке, но три названные, вероятно, на сегодня ведущие. Каждый из этих трех «игроков» работает не только на политическом и экономическом поле, но и на культурном. Их тесное взаимодействие в глобализации провоцирует их самораспад, когда они окажутся, а кое в чем уже оказались в нашем российском положении. Цивилизации вминаются друг в друга, подобно геотектоническим плитам, и начинают на разломах межцивилизационные конфликты.

Россия уже двадцать лет переживает ту эпоху, в которую только вступают и Запад, и Китай, и куда проваливается Арабо-Персидский мир. «Чтоб тебе довелось жить в эпоху перемен», — ругались когда-то китайцы.

Застойные годы начала второго десятилетия XXI в., пока наступающий период созидания-разрушения не принял глобальных масштабов, — лучшее время определить концепт «межцивилизационная эпоха», выяснить наличие устойчивых «опорных точек» в ее бурном динамизме, попытаться найти оптимальную и оптимистическую перспективу того, какие этапы она пройдет. Главное — ответить на следующие вопросы: чем субъективность этой эпохи отличается от субъективности спокойных и стабильных времен и можно ли найти «точки совпадения» между глубоко различными ценностными комплексами, чтобы по возможности не допустить глобального конфлик-

та, предупредить его, перевести его энергию из разрушительного русла в конструктивно-созидательное.

В первую очередь, следует оговориться, что, несмотря на кажущееся сходство предметного поля предлагаемого исследования с теорией революции, речь пойдет не об этом. Таких теорий сегодня много, революция изучается уже больше двухсот лет. Краткий обзор наиболее распространенных подходов к ней представлен в книге И. Стародубровской и В. Мау о ходе последней русской революции 1991 г. [2].

Цивилизация

1

В современной науке сложились разные взгляды на цивилизацию. Независимо от того, как ее представлять — как культуру или как особую структурную единицу истории и пространства, это понятие на опытном уровне обозначает одно — порядок общественной жизни людей. Ее источник — привычка или убежденность в необходимости определенного порядка, он субъективен: что массово считается порядком, то им и является. Нет средств, позволяющих доказать, что, например, независимость суда и присяжные — это порядок, а суд шариата — хаос, потому что такое сопоставление изначально нелепо, как сравнение кита со слонем.

В разные культурно-исторические эпохи порядок образуется разными представлениями. Поэтому понятие цивилизации может применяться и далее будет мною использоваться для характеристики связанного комплекса региональных предпочтений в единстве всего регионального пространства и исторического времени от зарождения до наших дней (напр., «цивилизация Запада»). Но оно применимо и для обозначения отдельных региональных или исторических форм («цивилизация средних веков», «цивилизация России» и т.д.). И вместе с этим цивилизация будет пониматься как субъективное действие, обусловленное объективными природно-географическими и историческими предпосылками, нацеленное на практическое преобразование этих предпосылок и рождающее объективированный порядок. Поэтому, с моей точки зрения, правомерно говорить о цивилизованности, о цивилизациях и субцивилизациях.

У истоков любой региональной культуры может быть найдена совокупность идей и ценностей, формообразующих для всего простран-

ства региона, сформулированных и созданных конкретными людьми и группами, выражающихся в их действиях, но позднее переосмысливаемых, развиваемых и видоизменяемых и проявляющихся в разных модификациях. Эти культурные модификации господствуют на своих территориях, вступают в противоречивое единство с собственными историческими истоками, с природно-географическими условиями, культурным соседством, случайными обстоятельствами и т.д. Таким образом, каждая эпоха и каждый регион, например Запад, обладает своей собственной «цивилизацией». Общая система ценностей для них становится не фактом, а предметом обсуждения с соседями, «точкой совпадения» или «несовместимости» с ними, возможностью формирования общих коммуникаций и совпадения перспектив. Различия между локальными цивилизациями связаны с разной мерой соотношения объективного хаоса и субъективно заданного порядка и с разной исторически обусловленной природой их субъективности.

2

Современное российское понимание цивилизации еще не сложилось. В нынешней общественной культуре можно наблюдать диалог между двумя разнотипными взглядами на общественный порядок, в равной степени унаследованными Россией: советским и западным, со следами китайского и прочих представлений. Наряду с этим диалогом идет внутренний полилог между понемногу формирующимися идеологическими центрами: Москва, Северный Кавказ, Урал, Западная Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток, наиболее энергичные республики и т.д. С одной стороны, отношения между ними обозначают «линии разлома», возможного самораспада России, с другой стороны, в этом полилоге возникает матрица возможного единого геополитического устройства.

Предпосланные со времен СССР взгляды на порядок обозначались понятием не цивилизации, а формации. Идея цивилизации не была органично усвоена в Советском Союзе и относилась им, главным образом, к Западу и к господствующим в нем материальным ценностям. Что касается формации, то ее сущность заключалась в редукции фундаментальных ценностей культуры к объективной реальности. Общество, культура, человек и его внутренний мир рассматривались как разные проявления материи.

Поэтому и порядок общественной жизни считался материальным, не зависящим от людей, своеобразной социальной организацией самой природы мироздания.

В Западном же мире возобладала точка зрения, в которой общественный порядок обуславливался не столько материальными, сколько, в первую очередь, духовно-субъективными причинами.

Рассмотреть перспективу становления цивилизации в нынешней России — значит найти способ совмещения равно унаследованных советской и западной точек зрения. Такая взаимосвязь позволяет синтезировать предпосылки и найти «зародыш субъективности», из которого в будущем возможно развитие новой России.

Все точки зрения с разных сторон освещают цивилизацию, она сложна. Цивилизация — это не вся культура, это особый ее аспект, выражающий только упорядоченность культуры, соответствующий порядку общественной жизни. Что же в ней главное, позволяющее отличать ее от культуры? Продолжим мысль О. Шпенглера, считающего цивилизацию завершением культуры и ее овеществлением. Обращение к Шпенглеру обусловлено тем, что именно его концепция считалась в науке СССР исходной при анализе цивилизации [3, с. 465]. Попробуем интерпретировать О. Шпенглера в категориях до сих пор фундаментального для российской жизни советского диалектического материализма.

Почему цивилизация — овеществленная культура? Если упрощенно, то потому, что она представлена объективированными продуктами совместной деятельности. Продукты здесь — это предметы и способы деятельности, сосуществования людей, в частности, способы производства объективных условий жизни (потребительских благ, знаний и иных ценностей). Способы производства и совместной жизни, формы отношений — основное в цивилизации. Однако «способ» предполагает субъекта, использующего его. Способы же, если вскрывать их субъективный и функциональный аспект, — это классовые и групповые интересы, выражающиеся в организации, технологиях, социальных институтах (например, нравственности и права и т.п.). В то же время организация, технология, нравственность для индивида — это общепринятые нормы жизни и деятельности, закрепленные в человеческих привычках к ним. И тогда шпенглеровский подход приводит к выво-

ду, что *цивилизация — это нормативный базис культуры, рассмотренный в единстве с соответствующими ему ценностями*. В такой интерпретации советская идея способа производства легко совместима по крайней мере с германским представлением о цивилизации, а через него и со всей западной цивилизационной практикой. А идеи такого рода всегда выступают ориентирами и регуляторами целенаправленного практического развития общественной жизни.

По принятым и легитимированным в массовом сознании нормам можно судить о цивилизации. Нормы складываются в совместной, а не в частной жизни. Они субъективны по отношению к ментальности, но при этом они создаются социокультурным субъектом и производят полное впечатление независимости от человека. Их независимость заключается в их объективированности и инертности, обусловленной социумом, а также в гигантском многообразии социальных связей, взаимодействий, коммуникаций. Субъективное происхождение норм позволяет все-таки влиять на них. Но их социокультурный статус ведет к тому, что личность может изменять нормы с огромным и не всегда оправданным трудом, например, создавая авторитарные институциональные механизмы, как это делалось в СССР или Германии в 20–30-е гг. XX в.

Нормы цивилизации продуцируются самой культурой. Они выражают объективированные эталоны ее ценностей. В качестве эталонных объективаций нормы по отношению к индивидам имеют императивный характер и поддерживаются всем социальным организмом как целым. Поэтому *нормы цивилизации инвариантны для всех явлений каждого отдельного культурного организма и выполняют функции законов культуры*. Напомню, что за нормами скрывается многообразие применяемых технологий, организаций, институтов, а за ними, в свою очередь, онтологически понятые объекты и субъекты общественной жизни.

Социальная культура характеризует совместную жизнедеятельность людей. Это может быть экономическая, нравственная, научная культура и т.д. В ней существует интегральный социокультурный субъект, возникающий при взаимодействии частных субъектов. Он и создает ее внутреннюю ритмичность, выступающую для людей нормами общественной жизни: хозяйственно-экономической деятельности

(например нормы торговли), права (нормативные акты правопорядка), политики (нормы государственного управления), морали (нормы поведения), промышленной технологии (нормы производства), науки (методы и парадигмы познания), управления (нормы организации), здравого смысла (общепринятые нормы мышления), нормы применения языка и т.д. В каждой такой норме вся ее внутренняя содержательная динамика наполняется взаимодействием смысла и формы. И тогда *в глазах индивида, переживающего цивилизацию как качество своей личности, она выступает всей совокупностью общезначимых норм его социальной культуры.*

3

Цивилизация — порядок общественной жизни людей, который в разных культурах может принимать различный облик. К общеевропейской, или «западной», цивилизации, созданной и воспроизводящейся рационально-технологическим путем, можно отнести Северную Америку с ее господством экономических технологий, Россию, веками опирающуюся на политические технологии и собственно Западную Европу, сегодня стремящуюся жить на базе гуманитарных технологий и исповедующую так называемую «политкорректность». Но кроме Запада, есть огромный Арабо-Персидский мир, в основе которого не рациональность, а покорная вера, где утвердились в качестве базиса религиозные технологии воспроизводства порядка и за ними теократическая цивилизация. Кроме того, не следует забывать о Китае, чья цивилизация совпадает с государственными границами и возникла не на рационализме науки и теократии, а на традиционализме. Основной ценностью и опытным уровнем норм, доступным для непосредственного исследования, являются привычки к определенному порядку жизни и степень их рефлексии и осознания.

Технологией обычно называется сумма знаний о способах производства вместе с материальными и институциональными средствами организации производства. *Нормы* можно упрощенно трактовать как: а) исторически сложившиеся, естественные обычаи и традиции, б) искусственные правила. *Традицией* называют форму передачи социокультурного опыта от поколения к поколению. Это нормы, усвоенные с младенчества, а потому воспринимающиеся человеком как естественные, лично осмыслен-

ные и легитимные. Они выражают степень соотносительности отдельных членов общества с социокультурным целым. *Обычаи* — усвоенные стереотипы бытового поведения, передающие групповой опыт от одного члена группы к другому. Они выступают воплощением и преломлением традиции в условиях конкретного образа жизни социальной группы, а традиция — обычай большого общества в определенную культурную эпоху его жизни. Обычай создает традицию, это ее пространственное измерение, а традиция воспроизводит обычай, будучи его историческим, временным аспектом.

И обычаи, и традиции проявляются в нормах нравственности, в этикете, обрядах, ритуалах и тому подобных формальных нормах, непосредственно определяющих порядок жизнедеятельности людей. Обряд и ритуал становятся элементами цивилизации и вместе с ней характеризуют форму культуры. Но замечу, что и обряд, и ритуал могут быть лишены традиции и обычая в своей основе и существовать без них. Тогда они, по существу, оказываются пустыми правилами и представляют собою разновидность симулякров. Когда говорят об угасании традиций, на самом деле замечают то, что обряды и ритуалы теряют смысл и превращаются в игровое, театрализованное формальное действие. В этом случае они легитимированы только игрой либо нелегитимированы вообще.

Правила — искусственные, не имеющие смысла нормы. Когда они лишены традиционного основания, то представляются человеком в виде «чужих» ценностей, которые надо запомнить, лично осмыслить и принять решение о том, стоит их придерживаться или нет. Мы всегда стоим перед вопросом смысловой оценки правил. Нужно ли останавливаться при красном сигнале светофора, когда справа и слева нет ни одной машины? Нужно ли голосовать на выборах президента или губернатора, или это не имеет значения? Подобные вопросы указывают на альтернативу выбора: соблюдать правила или нет.

Цивилизация — это форма социальной культуры, придающая ей определенность, связность и устойчивость. Феноменологически же она является единством интеллектуальных ценностей, норм организации, институтов и предметов, воспроизводящих друг друга как целостную и чрезвычайно инертную систему.

Благодаря О. Шпенглеру распространилось убеждение в негативном характере цивилизации, в ее мертвящей силе, уничтожающей свободный и творческий дух культуры. Думается, что такая оценка не вполне справедлива. Человек живет в обществе, социальность — неотъемлемая сторона его мышления и жизни. Общественный же характер жизни делает нормы совместного существования неизбежными. Общество представляет собой некий надиндивидуальный организм, впрочем, берущий начало в индивидах, помимо них невозможный, но придающий им социально значимую форму межличностной совместимости. Поэтому культура и цивилизация дополняют друг друга, позволяя обществу одновременно и оставаться целостной системой, и непрерывно изменяться.

Цивилизация неотъемлема от культуры, это ее форма, скелет, придающий ей целостность. Культура — бурно волнующееся море, химическая реакция, кипящая вода, а цивилизация — берега и дно, законы реакции, физические законы кипения. Цивилизация — причина и форма устойчивости общественного организма, а культура — способ его изменчивости. Думается, что О. Шпенглер, показавший цивилизацию как завершающий этап в развитии культуры и ее смерть, на самом деле подчеркнул дисбаланс, характерный для завершающего периода в жизни общественного организма, когда не цивилизация подавляет культуру, а культура угасает и цивилизация выходит на поверхность и в процессе обескультуривания превращается в свалку симулякров. Так иногда происходит в старости, ткани высыхают и виден скелет, обтянутый кожей.

Цивилизация — это порядок, образующийся в общественном хаосе человеческих толп в силу их спонтанной самоорганизации и складывающийся в ходе экзистенциального диалога между множеством отдельных человеческих индивидов, из которых только общество и состоит. В основе порядка находятся базовые социокультурные нормы, обращенные к каждому субъекту ожиданиями, сложившимися в ходе общесоциального полилога призывами занять предписанное место и выполнять предписанную роль: учитель *должен* учить, врач *должен* лечить, полиция — охранять правопорядок, хулиган — нарушать общественное спокойствие. В силу присущей субъектам свободы предписанная функция может и не выполняться: врач

может отказаться лечить. Но выход за пределы предписанных функций с высокой вероятностью влечет за собою делегитимацию девиантных субъектов и остракизм. Базовые нормы становятся своего рода *социокультурными парадигмами*, которые сами имеют функцию и служат своеобразной цивилизационной матрицей или геномом.

В спонтанной самоорганизации возникают локальные субъекты — народы, страны, институты, придающие значимую для себя форму личностному самосознанию индивидов. Цивилизация зарождается, созревает вместе с культурой в рамках культурно-исторической эпохи, ее становление обуславливает превращение хаоса человеческих толп в общество, а деградация — распад общества и его возврат к хаотическому состоянию.

Диалог переходит на уровень локальных субъектов и становится как бы «двухслойным» — диалог индивидов сопровождается диалогом народов, где люди уже выступают друг перед другом не как абстрактные индивиды, а как такие, кто органично усвоил ценности своих культур. Одновременно с этим развиваются и производительные силы, в частности средства коммуникации. Транспорт и обмен информацией переходят с уровня колесниц и гонцов на уровень реактивной авиации и Интернета. Увеличивается связность субъектов, некогда существовавших обособленно, как средневековая Европа и современный ей Китай, возрастает интенсивность диалога и начинается глобализация, снова изменяющая форму как региональных субъектов, так и человеческого самосознания.

Межцивилизационная эпоха

1

Межцивилизационная эпоха — это качественная смена *всех* норм общественной жизни и переоценка *всех* ценностей. Право, нравственность, экономика, политическое устройство, нормы научного познания, производства вещей, литературных произведений и технологий — все распадается, а новые нормы только зарождаются.

Эволюция культуры в такие времена идет возвратно-поступательным путем: сначала полный демонтаж предшествующей цивилизации, а затем конструирование из обломков нового цивилизационного облика, формирование его на интеллектуальной основе, на базе разу-

ма, воли и морали. В такие времена культура остро нуждается в том мужестве и решимости, о которых писал И. Кант в статье о Просвещении [1]. В России культура движется в поиске духовной глубины унаследованного от СССР формализма и создания смыслового фундамента новой, будущей эпохи. На Западе же культура ищет смысл в политкорректности и во множестве других на сегодня человечески бессмысленных, но обязательных для исполнения постмодернистских правил. И до тех пор пока этот цикл демонтажа-конструирования не пройдет по всему пространству нашего культурного мира, мы не сможем считать межцивилизационную эпоху благополучно завершённой.

Механизм межцивилизационного перехода держится на смене поколений. Стоит согласиться с К. Марксом и Х. Ортегой-и-Гассетом, считавшими смену поколений предметным носителем истории.

Первое поколение — «отцы», из них половина трудно и много работает, другая половина «делает состояния». Второе поколение — «дети», «золотая молодежь», или, как сейчас называют, «мажоры», проматывают накопленное родителями и устраивают экзистенциальные революции, иногда и политические, сегодня они называются «цветными». Они полностью смыывают ценности прошлой цивилизации и осуществляют выбор направления дальнейшей эволюции: индивидуализм или национализм с его квазигуманистическим покровительством власти тому, что она считает «человеческими интересами». К третьему поколению («внуки») в его недовольстве существующим положением дел окончательно складывается миф о «золотом веке прошлого», а все «прошлое», как смыслообразующая субстанция, концентрируется именно в предшествующей цивилизованности. У нас это СССР, у французов — *la belle France*, у англичан — викторианская Англия, у американцев — Великая американская мечта периода от Декларации независимости до великой депрессии XX в. и т.д. Миф трансформируется в утопию, утопия идеализируется и превращается в цель развития, осознающуюся как общественный идеал. И с «внуков» начинается выход из межцивилизационного разрыва, ведущий сегодня нас, в России, или в сторону обновления и гуманизации советской власти, или в направлении националистического тоталитаризма до советского и советского самодержавия.

Утопия, сложившаяся на базе мифологизированного прошлого, не обязательно ведет к полному восстановлению прошлого. Более того, оно невозможно в силу изменившегося содержания культуры, накопленного опыта, новых ценностей и т.д. Но завершается межцивилизационная эпоха либо полным распадом, либо формированием новой цивилизации на основе выбора «детей», осуществленного «внуками» по образцу мифологизированного «золотого века». Весь Запад вместе с нами история подталкивает к переосмысленному, гуманизированному и обновленному Модерну вместе с его Просвещением.

Первые два поколения вычисляются демографически: 25–30 лет на каждое. С третьего выход только начинается, и то, сколько он потребует времени, зависит от множества дополнительных факторов. Если считать, что в эту эпоху мы вошли с началом перестройки в 1985 г., то при идеальном стечении обстоятельств только в 2030–50-е гг. наметится выход из нее. Вопрос же о том, сколько он продлится, сколько поколений потребуется «внукам» на то, чтобы благополучно завершить межцивилизационную эпоху, сегодня не научен вследствие чрезмерно большого числа факторов будущего, которые просто невозможно учесть. Конечно, это очень схематично, в действительности поколения рождаются непрерывно и сосуществуют, с одного на другое переносятся «акцент», смысловой комплекс. В социальной практике такой перенос тоже представляет собою особый тип динамики со своими характеристиками.

Однако, так или иначе, а в нашей стране наконец вступило во взрослую жизнь второе постсоветское поколение. С его активизацией в 2010–2011 гг. началась экзистенциальная революция — глубокая делегитимация старых ценностей СССР и превращение их в искусственные правила. Это не та борьба, которая была в 1990-е, где демократы и коммунисты советских времен перетягивали друг на друга одеяло. Это борьба между молодыми, не знающими СССР людьми, для которых сегодняшняя обстановка в стране — их время, а борьба — просто такая разновидность игры и праздника, как для «правых», так и для «левых».

Началась деконструкция: упрощение и трансформация мировоззрения, которое каждого заставит определиться со своими жизненными планами и установками независимо от сего-

дняшних «неправильных правил» общественной жизни и, в любом случае, окончательно ликвидирует либо кардинально переосмыслит и унаследованные ценности, и сами правила нынешнего дня. От того, насколько такой экзистенциальный переворот будет эффективен и чем завершится, теперь зависит дальнейшая судьба России, вплоть до сохранения ею единства, государственности, независимости и статуса, при всех перекосах, но все-таки западной страны.

2

В такие эпохи в общественном сознании преобладают одиночество, страх, растерянность, иногда разбавляемые восторгом социальных протестов. Люди и группы перестают понимать друг друга, коммуникации между ними разрушаются. Диалог же из практики межкультурного общения превращается в полупризыв-полутребование взаимно изолированных групп и индивидов. Он тоже возвращается к своему базовому состоянию, к толкотне локтями в толпе и взаимной «притирке». Общество вступает в состояние «полураспада», выйти из которого оно может только в том случае, если найдет способ собраться духом и силами и найти новую группу ценностей, способных, хотя бы в течение трех поколений, создать новую цивилизацию.

Общественное сознание активно ищет и формирует идеологию, способную объединить общество. Формирует не осознанно и не целенаправленно, идеал должен подниматься «снизу» даже в обществе, пропитанном рекламой, если он будет спущен «сверху», с ним произойдет то же, что с советским коммунизмом. Идея складывается в жизни по крайней мере трех поколений. Главное же требование, которое предъявляется нашей будущей идеологии, — она должна быть такой же разветвленной и теоретичной, как и советская. Нужна не просто новая идеология и уж тем более не размытые идеалы, нужна *концепция*, придающая идеалам отчетливо зримый для ума облик.

Поиски идут в разных направлениях: от старого позитивизма и коммунизма до религии, восточных культов, язычества, эзотерики и новых мистических озарений. На помощь привлекаются и досоветская философия России, и даже такие, явно бесчеловечные, антигуманные идеологии, как нацистская и расистская. Каждая социальная группа предлагает свое миро-

воззрение как общую систему ценностей: чиновники, «силовики», предприниматели, «олигархи», «независимые политики», менеджеры, пенсионеры, журналисты, «бюджетники», рабочие, молодежь, литераторы и т.д. Каждый бежит к общей Вавилонской башне со своим краеугольным камнем, стараясь при этом выбить камень, только что заложенный соседом. Но в этом противоборстве каждого с каждым — давнем прозрении Т. Гоббса — по мере становления общеприемлемой идеологии толкотня локтями превращается в новый диалог, сначала в экзистенциальный, а потом в рациональный.

Все взаимодействующие «программы» проговариваются рационально и принимают концептуальный облик, у нас они как бы копируют привычный диалектический материализм, беря его за образец, но вкладывая в эту старую форму новое содержание, этим самым меняя и саму форму бывшей советской идеологии.

3

Межцивилизационная эпоха — это состояние культуры между двумя цивилизациями, тот период, когда нормативная система старой цивилизации уже перестает определять общественную жизнь, а новая еще не вступила в силу. Распадающаяся цивилизация перестает играть роль формы культуры и системы ее законов. Новая же цивилизация образуется не такой, какой кто-либо хочет ее видеть, а такой, какой она сложится во взаимоотношениях и диалоге всего многообразия членов общества.

Ее эволюция может быть рассмотрена в аспектах социологии культуры, семиотики и в экзистенциальном плане.

С *социологической* точки зрения, каждый культуuroобразующий субъект в эту эпоху действует, исходя из своего представления парадигмы. В результате нарастающей напряженности и рассогласованности она распадается, обусловленная ею цивилизация деградирует, процесс деградации здесь и обозначается термином межцивилизационности. Самостоятельные «групповые парадигмы», ставшие продуктом распада, обособляются, их групповые носители переосмысливают свое место и вступают друг с другом в диалог. Обособление и созревание «групповых парадигм» по времени совпадает с периодом деградации.

Взаимно обособившиеся парадигмы содер- жательно наполняются взглядами групп на

жизнь, оформляют и закрепляют эти взгляды. На определенной стадии расхождения парадигмы могут поляризоваться. Тогда в их диалоге начинает доминировать конфликт, а межгрупповые отношения принимают форму гражданского противостояния.

Вне зависимости от того, доходят отношения до конфликта или нет, итогом диалога становится интеграция парадигм, сопровождающаяся переоценкой партнерствующими группами своего положения, а также роли и места партнеров в общественной жизни. Определив как свой новый статус, так и статус партнера, завершив создание новой системы ценностей, группы достигают стадии комплементарности друг с другом. В этот момент зарождается новая общая парадигма и новая цивилизация, а недавно обособленные группы качественно изменяются в ходе взаимного приспособления. Межцивилизационный период на этом завершается.

В семиотическом аспекте межцивилизационная эпоха начинается с обесмысливания социокультурного субъекта и утраты им личностного значения, что сегодня называют делегитимацией. Например, в СССР 70-х гг. XX в. идея коммунизма потеряла смысл, а вместе с нею и идеи коммунистического строительства, личности и норм образа жизни. Они превратились в бессодержательный обряд. С этого момента началась мировоззренческая подготовка революции 1991 г. То, что не имеет смысла, — необязательно и для исполнения, оно исчезает, вслед за ним распадаются нормы общественного сознания, обеспечивающие его единство, и пропадает взаимопонимание между людьми. Это и означает распад цивилизации. Межчеловеческие отношения из содержательных и духовных становятся формальными и телесными, люди предоставляются самим себе и оказываются против своего желания свободными и самостоятельными такую свободой, какой они не ожидали.

Распад общезначимых норм выражается в нарастающей хаотичности общественной жизни и ставит перед выбором: жить, опираясь лишь на собственный разум и на свое представление о смысле событий, подчинить свою жизнь взглядам других людей или, сохраняя самобытность, найти с другими общий язык и вступить в комплементарные отношения. Решения принимаются разные, поэтому цивилизация, рождающаяся в этот период, всегда со-

держит условия и для человеческой свободы, и для нового порабощения.

Значение межцивилизационного периода в том, что в нем высвобождается человеческое «самобытие». Люди осознают высшей ценностью не столько человеческую жизнь, сколько собственную личность и ее внутреннее смысловое наполнение. Без понимания же собственной ценности и достоинства невозможно понять ценность другого человека.

С чего начинаются такие эпохи и чем завершаются? Их эволюция протекает между естественными и искусственными нормами и проходит следующие своеобразные «стадии»:

1) утрата естественности традиций, делегитимация всей предшествующей системы норм, их превращение в искусственные правила,

2) утрата правилами личного смысла, распад норм цивилизации, возрастание хаотической ситуационности общественной жизни,

3) личная активность в осмыслении ситуации, экзистенциальный диалог, где складываются общие идеалы, открывается перспектива и формируется новая рациональность,

4) рациональный диалог и формирование новых норм цивилизации.

В экзистенциальном плане этот период характеризуется дополнительными параметрами, выражающими природу человеческой субъективности и характер самосознания.

Персонализация — насильственное освобождение, предоставление человеку выбора быть самим собой или нет, выбора типа взаимоотношений с другими людьми и жизненным миром в целом. Цивилизация перестает опосредовать отношения между людьми, они теряют духовный характер и становятся поверхностными, телесными. Персонализация проявляется в одиночестве, страхе, растерянности, взаимном непонимании и недоверии.

Дезориентация — переживание неопределенности жизненных перспектив, отсутствия объективных оснований для выбора при понимании его необходимости, растерянность человека в новом и непривычном для него социальном мире.

Концентрация — по И. Канту, «решимость», творчество личного смысла, принятие решения о выборе при отсутствии объективных оснований, на основе субъективных представлений.

В этой эпохе можно обнаружить некоторую последовательность этапов. Они различаются

не только хронологически, но, что гораздо важнее, феноменологически и выражают тип общественного сознания, формирующего свою субъективность, степень его консолидированности и ориентации на преодоление общего «межвременья».

Первый этап представляет собою деградацию норм цивилизации. Они делегитимируются и теряют способность согласовывать межсубъектные отношения, попросту говоря, их перестают соблюдать. Следствием оказывается *дезинтеграция социокультурного целого*, общество рассыпается на отдельных индивидов. Индивиды, вынужденно вступая друг с другом в коммуникацию, участвуют в ней как носители исключительно собственной разумности и неразумности. Степень их конфликтности и взаимная угроза для жизни здесь настолько велики, что они оказываются вынужденными идти на компромиссы. Стремление к компромиссу заполняет коммуникации экзистенциальным диалогом, в ходе которого образуется интерсубъективность и возникают «прасоциумы» — относительно небольшие самоорганизующиеся группы.

Так начинается *второй этап*, в котором возникает первичная социальная структура, являющаяся агрегированной суммой субъектов: мелкие партии, предприятия, неформальные объединения, разрозненные профсоюзы, криминальные группировки и т.д. Горизонтальный диалог сопровождается вертикальным, воцарившуюся среди населения анархию пытается обуздать власть. Тогда группами первичной социальной структуры становятся и новые, и унаследованные от предыдущих времен территориальные и отраслевые корпорации: производственные комплексы, банковские объединения, армия, правоохранительная и пенитенциарная системы, система образования, науки, государственной бюрократии и т.д. Они выполняют конфигурирующую роль и пытаются установить свои формальные коммуникации для начавшегося экзистенциального диалога. На втором этапе власть заявляет о своей преимущественной субъективности и вступает в противоборство с остальными субъектами. В этот момент возрастает тенденция, которую принято называть «реставрацией» не во французском смысле, а в общеполитологическом.

Реставрация, на самом деле, реставрирует только одно — формальную целостность государственно-политической системы. Конечно, в

обществе еще многочисленны слои, выросшие «при старой власти», но социальные силы, поддерживающие реставрацию, уже другие. Поэтому «старые парадигмы власти» оказываются всего лишь образцом для подражания, намекающим на «былое величие», но ни в малейшей мере не наполняют новую власть содержанием.

В силу общей дезинтегрированности каждая группа на втором этапе проводит собственную политику, мало считающуюся с политикой других групп. Теперь экзистенциальный диалог идет уже между корпорациями, включая и властные органы. Людям же предоставляется выбор: либо примыкать к сильнейшему, либо сохранять свободу, отказываясь от корпоративной поддержки и защиты, а то и рискуя попасть под давление корпораций. Складываются дезинтегрированные рынки: нефти, продовольствия и т.д. Они формируются, в первую очередь, не как общегосударственные, а как внутрорегиональные и межрегиональные. Но самые экономически эффективные из межрегиональных рынков очень рискуют попасть в зависимость от авторитарной власти, рассматривающей себя не только как политическое явление, но как политику, создающую свою экономику. Властная вертикаль, вовремя не устраняющаяся от управления, с течением времени превращается в матрицу порядка и рациональности, экономически закрепляется и определяет сознание всех участвующих в ней людей. Она заставляет и жить, и воспринимать реальность, и интерпретировать ее только под своим углом зрения.

У обособленных рынков обнаруживается разная скорость развития, весовые категории, мировоззрения и интересы. Они вступают в противоречие друг с другом, и начинается конфликт экономик, политических стратегий и элит. Нарастает напряженность в межрегиональных отношениях, формируются несколько взаимоконфликтных идеологических «центров». Ситуация усугубляется деятельностью молодого поколения, не связанного с предыдущей эпохой, но усвоившего ее циничный формализм.

Отсюда и сам второй этап межцивилизационной эпохи характеризуется дезинтеграцией нравственности и еще большей, чем на первом этапе, *дезориентацией* персонифицированных индивидов как преобладающим экзистенциальным состоянием. Проще говоря, перед людьми возникает многообразие относительно стабильных, но слабо скоординированных смысловых

ориентиров, из которых, тем не менее, необходимо выбрать один, несмотря на полное отсутствие привычных оснований для выбора и вызванную этим растерянность.

Часть молодого поколения, восприняв цинизм старших, превращает его в собственный естественный эгоизм, позволяющий ему рассматривать всю социокультурную среду как еще не освоенный ими материал природы. Они неосознанно солидаризируются со старшим поколением и, неожиданно для себя, становятся вместе с ним субъектом реставрации. На «дело реставрации» работают не одни только проправительственные организации. В нем фактически участвуют и оппозиционные круги в бизнесе и в политике, и криминальные круги, и люмпенизированная молодежь и т.п. Стремление к реставрации является ясно различимым смыслом жизни молодого поколения. Эта нравственная позиция легко оформляется и направляется властью, которая на втором этапе межцивилизационной эпохи тоже заинтересована в реставрации во благо населяющих ее чиновников.

Диаметрально противоположная группа молодежи романтически отрицает формализм, нацеливаясь на нераспознанное будущее. Но при этом, например в России, она сама расслаивается на тех, кто это будущее представляет в виде мечты о прошлом величии, и на тех, кто находит в нем свою мечту об абсолютной вестернизации (или ориентализации) России.

И наконец, наиболее обширная часть молодого поколения растворена в суетности

переживаемого момента. Эта «пляшущая молодежь», веселая, игривая, в меру циничная и в значительной степени инфантильная, оказывается в итоге предметом конкуренции первых двух групп и становится социальной базой *экзистенциальной революции*.

На втором этапе нарастает противоборство между реставрацией и обновлением, накаляющая атмосферу пляшущей молодежи, по сути, совсем не желающей «загружаться», а стремящейся лишь избавиться от нарастающего морального напряжения и вернуться к своей веселой игре. Это их стремление и реализуется экзистенциальной революцией. Она сметает и фарс реставрации, и остатки былых ценностей и иллюзий и дает шанс межцивилизационной эпохе перейти к *третьему*, завершающему этапу — формированию новой системы ценностей.

Список литературы

1. *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Сочинения. Т.1. Трактаты и статьи. М.: Камі, 1994. С.125–149.
2. *Стародубровская И.В., Мау В.А.* Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2004.
3. *Философская энциклопедия.* М.: Советская энциклопедия, 1970. Т.5.

CIVILIZATION AND THE INTER-CIVILIZATIONAL EPOCH

Aleksandr V. Pavlov

Tyumen State University, 10, Semakov str., Tyumen, 625003, Russia

Attempt of working out of the concept of the epoch endured by Russia after disintegration of the USSR, as possible prospect of a civilisation of all West becomes.

Key words: a civilization; norms; rules; a paradigm; generation; legitimacy; self-formation stages.